

МАРИЭТТА

Москва
«Пробел-2000»
2022

Мариэтта

«Пробел-2000»

2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Мариэтта / «Пробел-2000», 2022

ISBN 978-5-98604-838-3

Кто такая Мариэтта Омаровна Чудакова — объяснять не надо. Филолог, педагог, просветитель, общественный деятель. Великий человек. К сожалению, этого человека с нами больше нет, но слова и дела ее останутся надолго, чтобы не сказать — навсегда. Сборник слов, которыми проводили ее друзья, ученики, читатели, составлен поспешно, пока не остыло ее место на земле. Без сомнения, за ним последуют другие, более серьезные книги, которых достойна ее замечательная жизнь, пример беззаветного служения литературе, стране, народу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-838-3

, 2022
© Пробел-2000, 2022

Содержание

От составителя	7
Лола Абдураимова	10
Евгения Абелюк	11
Евгения Аверьянова	19
Евгений Белодубровский	20
Анна Берсенева	22
Алла Боссарт	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мариэтта

Мариэтта была бы отличным хирургом, рука бы ее не дрогнула. Для истории России она была таким хирургом, вскрывающим боль и страх нескольких поколений, простым языком рассказывающим то, о чем мы до сих пор не научились говорить.

Наталья Осипова

Игорь Харичев рассказал сегодня, как Мариэтта Омаровна, обсуждая неизбежность конца человеческой жизни, переживала, как же она сама ТАМ будет – просто гулять и ничего не делать?! Для нее это было совершенно невозможное состояние, она представить себе этого абсолютно не могла!

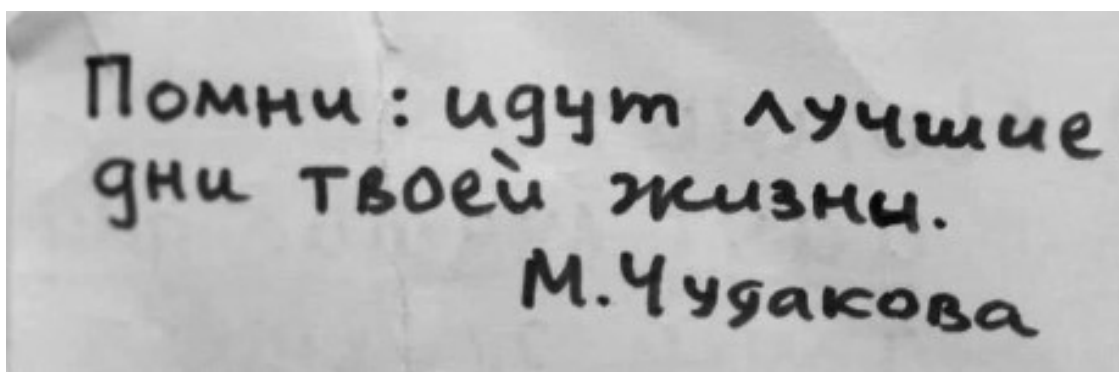
Ирина Ковалева

Цена времени была для нее избыточно высока. Помню однажды сказанную ею фразу, когда провожал после домашней встречи с Бронной до Маяковской: «Как жаль, что пропадает время в метро и там нельзя принять душ».

Леонид Латынин

Если бы, предположим такую фантастическую ситуацию, ко мне подошли двое мужчин и сказали: «Мариэтта, мы все берем на себя. Займитесь своей наукой», я просто встала бы перед ними на колени. И занялась бы только и исключительно литературой советского времени.

Как же так! Уехать они все хотят! А кто будет заботиться о России? Кто поможет наладить здесь нормальную жизнь? Разве это не наша страна? Разве мы не хозяева в своей империи?

© «Пробел-2000», 2022

© Коллектив авторов, 2022

От составителя

Я не первый раз берусь за подобную работу, но такую ответственность ощущаю впервые. Стараюсь не думать об этом, а просто делать по возможности хорошо.

Мы с Машей Чудаковой знакомы давно, но в основном понаслышке, а подружились сравнительно недавно. Я, пусть не слишком обоснованно, все же считаю себя ученицей Мариэтты Омаровны, так что мы с Машей в некотором смысле родственники. Маша нередко говорит: «ты совсем как моя мама!» Ну, не то чтобы совсем, но какие-то черты характера унаследовала, а именно зверскую работоспособность, упертость, «векторность» в ущерб нормальным человеческим представлениям о жизни и быте. Не примазываюсь, но не гордиться не могу.

Вот эти-то черты и помогают мне составлять книжки, которым пора бы уже положить конец, не хочу, чтобы все время умирали хорошие люди. Но когда это происходит, я чувствую, что должна за пару месяцев собрать какую-то еще не остывшую память. Два месяца – правильный срок, дольше трудно оставаться во власти одного вектора, всю голову класть на выполнение одной задачи. Кроме того, именно за это время набирается около 130 страниц, больше уже критично – не впишешься в формат. Лучший формат – большая тетрадь на скрепке. Никаких твердых обложек, никаких редакционных тягот. Только люди, ты, буквы, типографский станок.

21 ноября 2021 года я уже знала, что мы с Машей будем делать. (Как выяснилось, точная дата – 20 ноября.) Мы сразу начали собирать все, до чего дотянулись. Самое верное средство от горя: «надо же что-то делать!». Задача была – по возможности без глобальных обобщений и оценок просто записать все, что помним. Живые жесты, слова, картинки. Живой человек вышел из комнаты, сейчас вернется.

Написали и позвонили друзьям и знакомым. Тут меня поджидала сложность, с которой я раньше не сталкивалась: филологи – не рокеры, они хором сказали, что говорить не будут, а лучше напишут. Некоторые так и не написали, и я их понимаю. Сама пишу это предисловие к практически готовому сборнику *до* того, как, наконец, материализовать собственный текст, уже полтора месяца набухающий в голове. Единственный человек, с которым получилось записать устный рассказ – сама Маша Чудакова. У нее есть еще пара-тройка записанных аудиоинтервью, но в это издание они уже не попадают. Вообще главная настоящая книга впереди, и делать ее буду не я. Мариэтта Омаровна, безусловно, достойна тома ЖЗЛ. А перед вами – поспешная самоделка, ядро, зародыш большой книги.

Материалы расположены по алфавиту – по фамилиям авторов. Наверное, даже не все авторы знают, что их слова попали сюда. Но раз они их опубликовали в интернете, значит, отвечают, правильно? Поток некрологов иссяк, стали присылать какие-то более легкие и даже смешные вещи. Наша героиня, несмотря на серьезные занятия, огромные достижения и взрывной характер, была легким, веселым, остроумным человеком. Главное (для меня) выражение ее лица – улыбка с чуть нахмуренными бровями. Как у моей мамы, но это уже другая история.

Маша, дочь архивистов, хотела к каждому материалу дать врез об авторе: кто такой да чем знаменит. Мне удалось ее отговорить. Как попало не годится, надо по уму, а это бы сильно замедлило процесс. Об одном страницу можно написать, о другом и пары предложений много. Все авторы очень разные. Редакция, как говорится, не обязательно согласна с их мнением. Тем не менее редактуре тексты не подвергались. В ряде случаев сделаны мелкие (буквально копеечные) купюры и конъектуры, обозначенные угловыми скобками. Проведена унификация знаков препинания, да еще (извините) убраны почти все точки над ё: это разумнее и легче, чем расставлять их в тех случаях, когда автор не пользуется этой буквой на печати. Хотите, наберу их вам тут отдельно – пусть лежат кучкой, как маковые зернышки в пакете из-под бубликов.

Ах, Мариэтта Омаровна, Мариэтта Омаровна. Что же Вы, где же Вы, как же Вы – надо же...

Всегда Ваша
А. Г.
Инна Мишина
Лола Абдураимова
Энсли Морс
Евгения Абелюк
Елена Мочалова
Евгения Аверьянова
Андрей Немзер
Евгений Белодубровский
Наталья Новикова
Анна Берсенева
Ирина Орлова
Алла Боссарт
Наталья Осипова
Евгений Волков
Александр Осовцов
Марат Гаджиев
Александр Острожский
Матвей Ганапольский
Владимир Паперный
Сергей Гандлевский
Алексей Петров
Юлия Геба
Людмила Петрушевская
Аня Герасимова
Иван Плигин
Елена Герчук
Константин Поливанов
Михаил Гохман
Зинаида Поляк
Патриция Деотто
Ия Пьянзина
Вероника Долина
Ольга Ревзина
Дмитрий Ермольцев
Кирилл Рогов
Александр Закуренко
Татьяна Рогозовская
Наталья Зейфман
Ирина Роскина
Наталья Зимянина
Марина Савранская
Андрей Зубов
Наталья Сафонова
Елена Калашникова
Константин Селин
Дмитрий Крылов
Елена Семенова

Ирина Ковалева
Евгений Сидоров
Артем Комаров
Ольга Скибина
Нина Константинова
Сергей Солоух
Анатолий Копейкин
Павел Сурков
Евгения Коробкова
Роман Тименчик
Наталья Косторных
Дмитрий Травин
Нина Кудякова
Артем Упоров
Елена Кузьмина
Наталья Усенко
Маша Кузьмина
Данил Файзов
Борис Кутенков
Женя Фотченкова
Леонид Латынин
Юрий Цветков
Ольга Лебёдушкина
Олег Чуб
Алексей Левинсон
Маша Чудакова
Георгий Левинтон
Татьяна Чудотворцева
Олег Лекманов
Михаил Шевелев
Александр Лобанов
Зоя Шитова
Катя Марголис
Ася Шульбаева
Вера Матвеева
Александр Якушев
Константин Мильчин

Лола Абдураимова

<Из письма Маше Чудаковой>

...вспомнила, как в магазине «Диета», на Миклухо-Маклая, он потом стал называться как-то по-другому, в очереди в кассу я стояла за Вашей мамой. Мялась, мялась – ну как поздороваться в спину, да и вообще неловко... Но когда Мариэтта Омаровна расплатилась и стала собирать покупки в пакет, я, набравшись смелости, поздоровалась, что-то еще сказала. Она так искренне удивилась – вы, мол, меня знаете? это год, наверное, 2005-й. Ну как же не знать?! Помню взгляд – добрейший, умный, веселый. Чудесная, конечно...

Евгения Абелюк

В память о дорогой для меня Мариэтте Омаровне Чудаковой выкладываю сценарий фильма о ней, который когда-то делала для канала «Культура».

Несколько слов из ее монолога процитирую – это об очень важном для нее принципе. Поразительном, тем более поразительном, что его озвучивает Мариэтта Омаровна, человек, никогда не умевший думать о себе.

«Когда-то я изобрела свой собственный, как сегодня бы сказали, слоган. “Помни: идут лучшие дни твоей жизни”».

Вообще каждый взрослый человек, который чуть подумает, он поймет, что это тоже связано с советской властью. Советская власть всеми силами хотела уничтожить сегодняшний день, текущую минуту. Я это ощущала физически. Я написала одно стихотворение, в котором была строчка: “умри скорей, не сделав ничего”. Вот столько-то до конца пятилетки осталось. Столько-то до исторического съезда такого-то. Заранее съезд и заранее исторический. И т. д. Т. е. шло пожирание нашего времени. <Мы> все силы тратили на борьбу с цензурой. Вот вернусь на секунду к обзору архива Булгакова. Когда я потом, после того, как он был опубликован, прикинула в голове: он 120 типографских страниц. Я прикинула в голове то время, которое пошло на его написание. Согласитесь, если это обзор архива, то фактический материал огромный.

Так вот, я поняла, что силы и время, пошедшие на написание, представляют собой 5 % от общего времени, пошедшего на то, чтобы его опубликовать. Вот такой был КПД. Поэтому, конечно, нашу жизнь отнимали. Вот скорей лечь, забыться, и утром опять снова всё. А я очень ценила и ценю текущую жизнь. Поэтому я решила помогать себе и своей семье этим лозунгом. И дома он висит сейчас. У нас дома. “Помни (двоеточие): идут лучшие дни твоей жизни”».

<В оригинале в коллаж из сценария вошло много цитат из интервью других людей. Здесь оставлена в основном прямая речь Мариэтты Омаровны, с незначительными купюрами, а также убраны цифры тайминга и многоточия на месте пропусков (не любила она этот знак препинания). Полный текст и видео можно найти в интернете. – Ред.>

В. Гудкова: «Вот есть такие люди, которые идут первыми, часто они провоцируют какие-то сложности. Очень часто их не принимают. Они очень часто идут на то, что сообщают обществу какие-то вещи непривычные, временами неприглядные, дискомфортные. Затем приходят вторые, повторяют примерно то же самое уже вслед за первопроходцами и как бы получают пряники. А вот Мариэтта Омаровна относится к числу тех, которые произносят важные вещи, <и она их> произносила первой».

М.О. Чудакова: «Дело в том, что не было выхода никакого. Пути было, собственно, наверное, четыре, да. Я сейчас поняла, что было четыре пути. Или уходить в диссиденты: ни я, ни мой муж Александр Павлович <этого> не хотели. Хотя мы были очень близки со многими, всей душой сочувствовали. Но мы хотели заниматься наукой, научным делом. Мы очень любили свое дело. Значит, один путь – диссидентство. Второй путь – отказаться от своей профессии, заняться чем-то другим. Мы очень любили свою профессию.

Возвращаемся опять же к первому. Третий путь – уехать. Мы не мыслили и не мыслили своей жизни без России. Четвертый путь, значит, вот такой, какой мы выбрали. Потому что работать в своей профессии и писать последнюю чепуху, которую потом (когда кончится советская власть, в чем мы не сомневались) нельзя будет перепечатывать, – мы совершенно не могли. У нас не было выхода. Вот и все. Это от безвыходности. Я боролась с цензурой от безвыходности только. Выхода не было другого».

«Я хотела заниматься только литературой советского времени, всегда и до сей поры. Можно сказать, с детства, с 15 лет».

«У меня были благополучные обстоятельства. Были прекрасные родители, у которых был дома культ науки. Пять человек детей, все учились отлично, никогда в доме не было сказано, что вот выучишься, будешь зарабатывать деньги. Слово “деньги” вообще не существовало в нашем доме. Что надо? Работать надо, заниматься наукой, работать на общество. И это было очень *<правильно>*. Потом дальше благополучная семейная жизнь. Вообще обстоятельства мне очень благоприятствовали – я могла реализовывать то, что я хотела».

«Книга о Зоценко была первой моей книгой. Вышла она третьей, а была первой. Я писала ее, еще не успев защитить диссертацию».

«Именно первую книгу надо было писать в стол. Это мое решение было. Я за него себя постоянно хвалила потом. В свободной ситуации, не думая напрямую о цензуре, я писала свободно, думая над литературным процессом 20-х–30-х годов. Эта свобода мне очень много дала».

«Вставал неприятный вопрос. Как же быть-то, заниматься своим делом, а в то же время не врать, не стыдиться самой себя. Непреложный вопрос. Или – или. И тогда, если мы хотели как-то выразить то, что мы думаем, в печати, то жизнь превращалась практически в извечную борьбу. Я не хочу сказать, что краски жизни поблекли, нет. Потому что были победы какие-то помимо этого, вообще – жизнь. Это другое дело. Но профессия составляла значительную часть жизни. Хотелось бы не бороться, конечно. И тогда хотелось. Но... нужно было разработать целую систему. Она разрабатывалась в процессе. Каким образом так писать, чтобы читателю было понятно, а прошло через цензуру».

«На это уходило очень много сил – на упаковку своих мыслей в эту подцензурную форму. Никакого вранья, умолчаний немало, непременно. И так проходило через цензуру. Например, важную мысль нужно было поместить в середину абзаца – технология. Нельзя было с той мысли, которая остра, начинать абзац. Нельзя было начинать главку этой мыслью и заканчивать. А надо было где-то между делом, где-то в глубине абзаца».

«Сегодняшняя молодежь просто не в силах понять этого, наверное. Иду я по Стромьнке после университета, готовлюсь защищать диссертацию, и думаю, о чем я буду писать дальше. И вдруг на меня снисходит озарение. Я понимаю, что я могу – вот прошло уже, ряд лет прошел после 1956 года, после съезда, – я понимаю вдруг, это именно открытие для меня такое, я прекрасно помню этот момент, – я понимаю, что я могу писать о любом из писателей, просто которого я люблю. Вот я хочу, чтобы поняли другие поколения, родившиеся уже в России, накануне свободы, – что это было открытие, личное открытие. Потому что до этого господствовало слово “надо”, “положено”. У меня захватило дух от этого, от этой мысли. Собственно говоря, надо помнить, что Россия после Сталина и после XX съезда все-таки была очень другая, чем до. Хотя до этого было мое детство, но в воздухе все это чувствовалось. Воздух, воздух оттепели, как-то пахло таянием снегов. Пьянящий воздух имелся, я поняла, что это. И я подумала: кого я люблю? Я очень любила Тынянова и вот Зоценко, Цветаеву любила. Прозу Цветаевой уже так немножко знала. Я любила очень Зоценко в детстве. Я подумала: я буду писать о Зоценко. Причем я прекрасно знала, что постановление *<Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) “О журналах «Звезда» и «Ленинград»” 1946 г. – Ред.>* не снято. Так вот, поэтому надо было писать в стол, а там будь что будет. Вот так я стала писать о Зоценко. И чем больше писала, тем больше его любила. Тем больше говорила с людьми, которые его знали, с его женой, явно героиней его рассказиков. Тем больше он был для меня трогателен. Щемящее чувство к нему испытывала и испытываю до сих пор. Дома мы говорили языком Зоценко – *<то есть>* не языком Зоценко, а его фразами. И люблю его до сих пор. А с Булгаковым – прямо силою вещей, можно сказать, получилось помимо воли даже, в известном смысле. Я знала его, знала, что было напечатано. В аспирантские годы я читала, конечно, “Роковые яйца” в “Недрах”, “Дьяволиаду”, читала в “России” не допечатанную “Белую гвардию”. Смотрела “Дни Турбиных” в театре Станиславского, а не во МХАТе, восстановленном тогда. А я пошла работать в Отдел

рукописей. Я пошла умственным и волевым усилием. Я знала, что все, что я захочу писать, я буду писать ночью. Я очень хорошо уже знала формалистов, конечно, ...и как-то взяла их на вооружение. А филологическая база, я считала, у меня мала. И я так для себя сформулировала: мне надо расширить свою филологическую базу. И я пошла в Отдел рукописей, меня взяли туда, потому что искали человека, чтобы готовить материалы к грядущему 50-летию советской власти. Ну, это особая тема, как я готовила материалы, но через год начали частями покупать архив Булгакова. И через несколько лет встал вопрос, кто будет его обрабатывать. А так как я была единственный специалист по советской литературе, меня и брали в этом качестве, – то я и стала им заниматься. Вот и все, все очень просто».

«На меня действовали биографии их обоих очень сильно. Хотя я занималась поэтикой Зощенко, а не биографией. Я очень хотела заниматься его биографией, но это было невозможно, потому что нельзя было написать об этой биографии правду. С Булгаковым было еще более серьезно. Обзор архива не предполагает касаться биографии писателя. Потому что человек описывать должен рукописи, хранящиеся в архиве, а к биографии делать отсылки. Но так как отсылки делать было практически некуда, то я должна была <сама> каким-то образом рассказать его биографию. Для меня важно было именно здесь, где его сгноили, напечатать о нем, – как я тогда формулировала, – напечатать посильную правду о его биографии. И вот я должна сказать, что и биография Зощенко, этого человека, обладавшего биологической смелостью, с совершенно врожденным чувством чести (и поэтому оскорбленного до глубины души докладом, где он был назван подонком и трусом), – страшно действовала на меня. И не усиливала, понятно, симпатии к советской власти. Вообще как-то действовала на мировидение, что ли. Даже, может быть, на способ действий. И так же Булгаков. Я видела: ему силу давало то, что, в отличие от многих его сотоварищей, он не питал иллюзий. В отличие от тех, кто с радостью принял революцию, а потом увидел ее последствия, он никогда не верил в революцию, <в то,> что революционным путем, социальной революцией так называемой, можно что-то решить. И он писал в письме 1930 года правительству о «моем, – как он пишет, – глубоком скептицизме в отношении революционного процесса в моей отсталой стране». И, если на то пошло, мне были близки его слова: «моя страна», «в моей стране». Потому что так воспринимала и я».

А. Немзер: «В филологии Мариэтта Омаровна Чудакова сделала много важного. Но все это есть лишь некоторая составляющая другого. Вот Лидия Яковлевна Гинзбург писала в свое время о том, что настоящие научные работы удаются, когда в них есть интимная, личная, очень личная мысль. В любой работе Мариэтты Омаровны пульсирует личная интимная мысль, которая сводится к простой фразе, много раз мною от нее слышанной, и, думаю, не только мною: “Мы живем в своей стране, а не в чужой”».

М. Чудакова: «И когда я говорила с партчиновниками разными, то всегда давала им как-то понять, что я не у них в гостях на краешке стула, а в своей стране. На что они очень нервно реагировали обычно, если я давала это понять. И вот это чувство: что есть власть, а есть своя страна, и это, в общем, разные вещи».

«И наконец дело дошло до того, что я сумела попасть к главному цензору, практически главному цензору, то есть главному по художественной литературе и литературоведению. Владимир Алексеевич Солодин. Полтора часа я с ним вместе изучала верстку обзора, испещренную красным карандашом его подручных. “Ну, – говорит, – вы не пугайтесь, они всегда <так>, мы их учим, чтобы они больше делали с запасом, а мы тут разберемся”. И вот мы дошли до места, где “Собачье сердце” описывается. “Собачье сердце” неупоминаемо было. Обычно в обзоре архива, <это> знают все архивисты и пользователи, так сказать (те, кто пользуется этими произведениями, этим жанром), непременно отражены главные рукописи писателя. Не отражено может быть только самое третьестепенное. И мало того, должны быть указаны шифры в скобках, где эта рукопись хранится».

«Если бы у меня выкинули кусок про “Собачье сердце”, это значит, я заявила бы на весь мир, что рукописи данной повести вообще нет. Для меня это было абсолютно невозможно. Поэтому мое положение было совершенно безвыходным. Я не знала, что делать, – если мне зарубит это главный цензор, то дальше абсолютно неизвестно, что делать. Я не могла печатать <такое> под своим именем. Вот это и называлось – предел умолчания. Вот это то, о чем нельзя умалчивать. Я могла умалчивать о некоторых аспектах биографии Булгакова, но я не могла умалчивать относительно того, что в архиве Булгакова хранилась запрещенная рукопись “Собачьего сердца”. И в архиве своем я прибегла к такому хитрому ходу: я писала про “Дьяволиаду” – повесть “Дьяволиада”, дальше повесть “Роковые яйца”, и следующий абзац я начала словами: “Что касается третьей повести Булгакова, где действует Филипп Филиппович...” и т. д. На что, значит, когда мы дошли до этого места, Солодин сказал мне: “Ну, тут вы, конечно, пишете о «Собачьем сердце», вы же знаете, что о ней не пишется в наших статьях. Ну, я вижу, вы прибегли к такому ходу, что вы не называете заглавие повести”. И дальше он сказал такую вещь: “Но ведь мы не можем нарушать волю автора, он же назвал повесть «Собачье сердце»”. И здесь, в точности, как у одного из героев Ильфа и Петрова, который взлетел и сам не понял, как взлетел на высокий утес и потом не мог с него выбраться, – видимо, в ситуации стресса происходит какое-то прочищение мозгов, или наоборот, – что-то с мозгами происходит необыкновенное. И я сказала ему такой текст: “Ну как сказать, Владимир Алексеевич, авторская воля, ведь повесть не была напечатана, значит, это один из вариантов названия, мы же не знаем, может, в процессе печатанья Булгаков дал бы какое-нибудь другое, так что не думаю, что мы нарушаем авторскую волю”, – сказала я, глядя на него честными правдивыми глазами. На что он, несколько опешив, сказал: “Ну да, действительно, резон есть в ваших утверждениях»».

В. Гудкова: «Мариэтту Омаровну я видела разной, но вот самое главное качество этой филологической исследовательницы, мне кажется, страстность, невероятная страстность и азартность натуры. Это такой человек-боец, который, чем сложнее задача, тем больше мобилизуется и тем большего результата достигает. Я помню, что мы с ней познакомились, видимо, после 1977 года, когда вышел ее знаменитый теперь обзор архива Булгакова, который был выпущен Библиотекой Ленина. И его начали мгновенно ксерокопировать, потому что там был очень маленький тираж издания, а обзор был замечательный. По сути дела, это была такая первая монография о Булгакове в те годы. До всякой перестройки за десять лет».

«Я никогда не забуду один разговор, который у меня просто живет в сознании, видимо, будет жить теперь уже всегда, потому что прошло уже достаточное количество времени с тех пор. Дело заключается в том, что Булгаков в 1920 году хотел уйти в эмиграцию из Батуми. У него не получилось по чистой случайности, он свалился в тифу. И потом высказывал претензии жене, что она его не смогла вывезти больного. И вот тогда были споры булгаковедов: надо ли, чтоб этот факт был известен широкой общественности? Тогда речь шла о том, будут его публиковать или не будут, произведения были еще далеко не все известны, в частности, “Собачье сердце” было впервые опубликовано только в 87-м. И я помню, как я, исполненная тогда благих советских побуждений, будучи аспиранткой, иду с Мариэттой Омаровной рядом с Александровским садиком, там, где она работала в Библиотеке Ленина, и говорю: “Мариэтта Омаровна, а какой же смысл сейчас, если мы будем об этом говорить вслух, что он хотел эмигрировать”. И тут Мариэтта Омаровна отчеканила фразу, которую я очень хорошо запомнила. “Правда, – говорит она, – всегда имеет смысл”. Вот была такая фраза, которую можно интерпретировать так ли, этак ли. Но вот эта отчеканенная фраза “Правда всегда имеет смысл” – всегда со мной. И я в течение лет поняла, насколько это точно, и насколько это трудно – делать правду достоянием общественности».

«Именно Мариэтта Омаровна пробила дикими трудами, хитростями, обходными путями, женским обаянием, невероятной настойчивостью, чтоб не сказать более резкого слова, – Тыняновские чтения, которые начались в 1981 году. Это расцвет застоя».

«В 1982 году жизнь была глухая. Я не очень понимаю, могут ли себе представить молодые, которым в 82-м было, скажем, семь лет, – что это такое было, когда весь цвет филологии на грани диссидентства. Когда ты занимался своим конкретным предметом и казалось, что ты далек от каких-то политических сложностей и проблем, – ты обязательно натыкался на какой-нибудь факт, который ну совершенно никак не мог быть ни опубликован, ни напечатан, а ты не мог без этого факта, без его публикации двигаться дальше. Любой конкретный человек, он все равно рано или поздно приходил в столкновение с системой просто из-за своего профессионализма в узкой области, как это ни парадоксально звучит».

М. Чудакова: «Один из способов преодолеть цензуру (мы искали разные способы), среди прочего: Тыняновские чтения мы задумали на родине Тынянова еще и потому, что “от их всевидящего ока, от их всеслышащих ушей” подальше. Латвия, Резекне, это маленький город. Подальше. И издавать, я решила обязательно издавать сборник. Мне никто не верил, что они могут быть, что Тыняновские чтения могут издаваться в Латвии: – Вы что? на русские темы в Латвии издавать такой научный, высоконаучный сборник? Но я говорю: “Мы попробуем”».

«Я там ходила в Министерство просвещения латвийское, доказывала, что это методические рекомендации музею, к работе музея Тынянова в Резекне, а музей – это школьный музей. Это полкласса занимала комнатка с экспонатами тогда. Я сказала: “да, вот под грифом музея мы будем издавать это в качестве методических рекомендаций”. И да, это была попытка, во-первых, собрать людей для свободного научного разговора, что и было (вот этим летом будет 20-летие Тыняновских чтений). А, во-вторых, издавать сборники, чтобы там не было, – как и среди докладов, – не было никакой чепухи демагогической. Обычно разбавлялись конференции, вообще приглашения рассылались по институтам, кто приедет. Мы рассылали только персональные приглашения и, так сказать, по негласному уговору ни слова демагогии. Только дельные доклады».

«Дело было в том, чтобы рисковать, пробовать. Был, например, случай уже в Тыняновском сборнике, не с моей работой, – а я уговорила Лидию Яковлевну Гинзбург <опубликовать> ее эссе мемуарное, которое она писала только для самой себя и для очень узкого круга, она читала каждому индивидуально это. О 20-х–30-х годах замечательное свое повествование. Оно называлось тогда “Марина Цветаева и Пугачев”. И я была первая, кто, прослушав, сказал ей: “Лидия Яковлевна, а давайте попробуем. (Это был 84-й год.) Попробуем напечатать. Я попробую напечатать в Тыняновском сборнике”. Она своим неповторимым голосом сказала: “Ну что вы, Мариэтта Омаровна, это абсолютно невозможно”».

«На что я сказала: “Ну так ничто ж не мешает попробовать”. У меня было твердое ощущение, что пробовать надо, что цензуру пройдет. Мне стоило труда этого замечательного человека уговорить попробовать. Я сыграла роль цензора. Я сказала: “Единственная у меня к вам просьба: заглавие «Марина Цветаева и Пугачев» не пройдет. На него сразу обратят внимание. Нужно другое название”. Она сказала: “Мне очень важно это заглавие”. На что я сказала ей: “Лидия Яковлевна, – тоже меня осенило, – а вы сделайте так. Заглавие придумайте другое, а начните свое повествование такими словами: эти заметки должны были называться «Марина Цветаева и Пугачев»”. Она так и сделала».

«Это было напечатано в советское время. Еще смешная подробность: когда мой редактор Юра Цивьян, известный киновед, это читал (я дала ему это прочитать: вот это мы сейчас помещаем в Тыняновский сборник, вы член редколлегии). Он остроумный очень человек, он прочитал и сказал: “Так, Мариэтта, только если печатать, то поскорее, дома это хранить нельзя”».

«Все удивлялись, американцы и европейцы, которые приезжали. Приезжали всякие. Побегаешь две недели в библиотеку, потом прибегает к нам с вытаращенными глазами, столкнувшись с условиями работы, когда надо рукой переписывать – никаких ксероксов, все надо рукой. Они говорят: “Я не понимаю, когда вы написала свою книгу?” В общем, действительно

непонятно, когда мы работали, когда мы писали. Сейчас трудно себе представить, что не было ксерокса. Вся жизнь прошла на переписывание рукой. Другая часть жизни пошла на рабочий день, третья на заработки. Я долгие годы работала рецензентом самотека прозы “Нового мира”. Это было очень интересно, но это делалось для заработка. Потому что кооперативная квартира двухкомнатная, ее надо было оплачивать. Зарплаты не хватало. Рабочий день, потом только рабочая ночь и суббота, воскресенье на книги. Я не могу ответить на вопрос, когда это было все написано. Я никогда не могла этого понять».

«Презрение, ненависть к советской власти возникли в течение четырех часов. Когда я слушала, в тогда называвшейся коммунистической, а теперь снова богословской, аудитории в аудиторном корпусе Московского Университета доклад, который нам зачитывали, доклад Хрущева на XX съезде. Зачитывали так называемому партийно-комсомольскому активу, с удостоверением, со студенческим билетом каждый мог туда войти. 4 часа, кажется, он шел. И действительно можно сказать: вошла одним человеком – вышла другим. По всем обстоятельствам я вообще должна была бы дальше вступать в партию и т. д., у меня в семье было три коммуниста: мой отец и два старших брата. Один старше меня на 12 лет, другой на 10. Все трое – это, бесспорно, самые честные люди, которых я встречала в своей жизни. И, казалось, мой путь выбран, но этот доклад, он действительно произвел такую революцию у меня в душе, что <я поняла:> нет такой идеи, ради которой можно было бы загубить миллионы человеческих жизней».

«С этого момента начало катастрофически быстро утрачиваться какое-то мое положительное отношение к идее коммунизма и тем более к советской власти. Процесс этот шел с нарастанием в течение двух-трех лет. И закончился через несколько лет полностью. И я всегда говорила, и повторю и сегодня, что после XX съезда понять, что такое Ленин и что такое Октябрьский переворот, было делом техники. Поэтому кто говорит, что он понял это в 1990–91 году, тот лжет или себе, или нам. В этом я абсолютно убеждена».

«Разочаровавшись в советской власти полностью, я, конечно, не хотела заниматься никакой общественной деятельностью. Но до конца 5-го курса с удовольствием была редактором стенгазеты. И там много было интересного. Но в дальнейшем я пошла сама по собственной, по доброй воле работать в школу на два года. Это еще пока поступала в аспирантуру. И там меня тащили в партию. Для меня был вопрос совершенно, полностью решен тогда».

«Я не хотела ни малейшего прикосновения иметь к тогдашней советской общественной работе. Когда началась перестройка, тем более я не собиралась заниматься никакой общественной работой. Я страшно радовалась всему этому, и видела, что полно народу, тех, кого называли “прорабы перестройки”, – <они> прекрасно взяли на свои плечи задачу объяснения людям через массовую печать, “Огонек», через “Московские новости”, через телевидение: что такое советская власть, что такое было наше прошлое. Я очень этому радовалась, и я считала, что наступил момент, наконец-то, для меня более свободного писания на любимые мною темы. И я занималась усиленно научной работой в те первые годы перестройки. И выпустила “Жизнеописание Михаила Булгакова” в 1988 году, и так далее. Первым толчком были наши танки в Вильнюсе. И я поняла просто физически, что я не могу. Я сидела, писала, работала – и я поняла, что не могу писать, пока каким-то образом на это не откликнусь. Я позвонила нескольким друзьям, сказала: “Я хочу написать письмо от нас, вы подпишете?” Сережа Аверинцев, Сергей Георгиевич Бочаров сказали: “Да-да, давай, пиши, мы это подпишем”. Я написала тогда. Это был мой первый общественный акт, январь 1991 года. А дальше вдруг я с ужасом увидела, что многое как-то изменилось. И люди как бы готовятся снова к диктатуре, сдать страну диктатуре. Причем интеллигенция как раз. Ну, что же делать, вот вроде оттепель очередная, ну, не получилось. Вот такие были настроения, не знаю, помнят ли их люди, но я их прекрасно помню. Тогда я тоже решила написать статью на тему, что если мы сейчас сдадим, в этих условиях, это совсем другое дело, чем при советской власти. При советской власти мы могли сказать своим

детям: “Мы ничего не могли сделать”. Сейчас мы можем сделать. Мы можем свободу удержать и продолжать ее дальше завоевывать. Вот это была моя вторая общественная акция. А дальше Белый дом, эта ночь с 20 на 21, известная и памятная всем, по крайней мере, кто там был. И следующее потрясающее, потрясшее меня обстоятельство, когда я увидела, что интеллигенция вместо того, чтобы объединиться с президентом России, который сдернул скатерть со стола сразу, вместе со Сталиным, Лениным впридачу, и с Октябрем, – я увидела жуткую оппозицию Ельцину, который ничем не заслужил тогда, и не желание продолжать укреплять свободу, а какую-то непонятную, непонятно на чем основанную борьбу. На каких-то амбициях, видимо. Стали доказывать, что у Белого дома – это был театр вообще, представление. Я говорю: “Ну, правильно, когда занавес опустился, можно уже считать, что это был театр, что это было представление”. И силою вещей я была вынуждена, я почувствовала моральную вынужденность заняться этим».

«С 1994 года я была членом Президентского совета у Бориса Николаевича Ельцина. И приняла посильное участие в предвыборной кампании его. Для меня даже не было вопроса: помогать тому, чтобы президентом стал Ельцин, а не Зюганов, или нет. Я взяла в своем институте отпуск на три месяца за свой счет. Как я, смеясь, говорила друзьям: я взяла отпуск за свой счет, которого у меня нет, – для того, чтобы не было двусмысленной позиции, что я получаю зарплату, а куда-то в это время поехала. И ездила по городам и весям, не то чтобы агитировала, а просто осуществляла там какую-то посильную помощь людям, и так далее. Вообще говорила с людьми на эту тему. Потому что вопрос стоял – или вернуться к той советской власти, о которой мы говорили, с цензурой и прочим, или двигаться дальше. Для меня вопроса не было. И потом я узнала, что президент объявил мне благодарность. И она, благодарность, мне была торжественно вручена. Так как дома у меня, в Москве, нет живого места, все занято книгами, поставить ее некуда, она стоит у меня здесь. Я ею горжусь».

А.П. Чудаков: «Нет, ну у нее безусловно сильный характер, конечно. Она, как сказать, никогда, никогда не отступает и прочее. Но в семейной жизни это не очень проявляется. Т. е. я бы не сказал, что она там на чем-то настаивает. Умная женщина всегда уступает, потому что они умнее, женщины вообще лучше. Она всегда считает, что, если заходит какой-то спор, то надо уступить где-то. И это делает, что, может быть, и непохоже со стороны, ... тем более еще несколько лет тому назад видели ее в постоянной борьбе с чиновниками, с системой и т. д. Конечно, трудно было представить ее в другой ипостаси».

«Мы отмечаем всегда дни рождения. Мы приглашали всегда наших друзей. У нас бывали, ну скажем, Борис Балтер, Наум Коржавин, Войнович. За нашим столом сидели Фазиль Искандер и другие. А когда у нас появилась эта дача, то мы стали приглашать друзей на дачу».

«На байдарках у нас тоже была литературная компания. Но вообще, понимаете, когда плывешь на байдарке, особенно по опасной реке с порогами, там вообще не до разговоров, не только о литературе, но и вообще. Мы просто любили иногда сидеть у костра молча и смотреть на огонь».

«Когда-то в далекой юности я прочел высказывание Юрия Олеши, тогда в только что вышедшем его однотомнике, его долго не переиздавали. Там у него есть такое замечательное рассуждение, что раньше я всегда чего-то ждал, вот думал: ну сейчас я, конечно, занят, я расстроен, я вот пишу роман, я допишу роман, и я начну жить, сейчас у меня плохо, у меня нет квартиры, но я получу квартиру и тогда начну самостоятельную жизнь. А потом я понял, что, – а между тем эта жизнь проходит, эта та единственная жизнь, которая мне и дана. И на меня это произвело очень сильное впечатление. И я вот не помню, на Мариэтту именно это произвело или нет, но во всяком случае мы как-то в этом сошлись и действительно стали считать, так согласно, что идут действительно лучшие дни нашей жизни, и что их нужно вот так вот жить и ничего не ждать. А наслаждаться этой единственной данной нам жизнью».

А. Немзер: «Принято говорить, скорее за кадром, чем в кадр, о некоторой резкости и однонаправленности Мариэтты Омаровны. Разумеется, всякий человек, соприкасавшийся с ней лично в той или иной мере, этот пафос досжимания, доведения до конца на себе испытывал. Всегда ли это, что называется, душу греет? Да нет. Бывает по-разному. И мне приходилось испытывать недоумение в иных ситуациях. И, ну, не обиду, но что-то близкое, наверное. Какую-то досаду, мне иногда казалось, что меня не поняли или кого-то там из моих коллег, друзей не поняли. Но при любом таком недоразумении я ощущал, во-первых, человеческую красоту вот этого направленного движения отстаивания своих позиций.

А во-вторых, какие мы все обходительные, уж так мы все любим уступать дорогу. Уж так при этом, уступая дорогу, умеем за глаза Бог знает что говорить и душу свою отводить. Нам необходим некоторый урок наступательности и прямоты».

«Без целенаправленности и энергии Мариэтты Омаровны мы были бы другими. Воздух бы наш был другой. Мое поколение».

Евгения Аверьянова

Сегодня в реанимации больницы в Коммунарке на 85-м году жизни от коронавируса скончалась известный литературовед Мариэтта Омаровна Чудакова.

Заочно с Мариэттой Омаровной я познакомилась в выпуске программы «Школа злословия». Яркая, харизматичная, энергичная, твердо уверенная в своих взглядах, она просто приковывала к себе внимание. Меня восхитили ясность ее ума и масштаб личности.

Мариэтта Чудакова – крупнейший специалист по истории русской литературы XX века, занималась изучением творчества Булгакова, Зощенко и Юрия Олеши. Ее муж, Александр Чудаков, был лучшим специалистом по творчеству и биографии Чехова в России, а родной брат, Селим Хан-Магомедов, известнейшим искусствоведом и историком архитектуры.

Помимо своей литературной деятельности, Мариэтта Омаровна активно участвовала в общественной жизни, организовывала за свой счет и своими силами сбор книг и их доставку в отдаленные сельские библиотеки, читала лекции для школьников, писала книги для детей, потому что была уверена, что гражданина и патриота своей страны нужно растить с детства.

В 2016 году Чудакова посетила с визитом и лекцией Нижний Новгород. Когда я прочитала анонс на ее странице в Фейсбуке, тут же предложила свою помощь, если она потребуется. Меня попросили повозить Мариэтту Омаровну по городу, и я, разумеется, согласилась. Было очень интересно слушать ее рассказы и впитывать потрясающую энергетику этой миниатюрной женщины. В конце дня состоялась лекция в Высшей Школе Экономики, и на нее стоило пойти, хотя бы для того, чтобы увидеть, как Мариэтта Омаровна держит внимание зала, разговаривая с ним на прекрасном русском языке. Навсегда мне запомнилась ее командная фраза: «Когда профессор заходит в аудиторию, слушатели должны вставать».

Можно соглашаться или не соглашаться с политическими взглядами Чудаковой, но нельзя отрицать, что ее уход – огромная утрата для культуры нашей страны. Я хочу оставить в память о ней ссылку на тот самый выпуск программы «Школа злословия», где Мариэтта Омаровна очень точно называет себя «активным гражданином». Да, именно этому она и старалась учить всех нас – интересоваться жизнью своей страны, участвовать в ней, быть активными и не перекладывать ответственность за будущее России на других. Светлая память!

Евгений Белодубровский **Мариэтта Чудакова. Ушла и – осталась** **заметки на полях и за полями**

Мариэтта Омаровна Чудакова!

Последняя из могикан.

Воительница.

Начальник стаи.

Вожак!

А еще про таких ученых и светлых личностей, как Мариэтта Чудакова, говорят: «Светило».

За ней оставалось и первое, и – последнее слово.

Как в шахматах: «Белые начинают и – выигрывают».

Ее девиз: Я лучше Вас знаю...

Понимаете, л у ч ш е... И весь сказ... И ключик от архива, и замочек с секретом в свой рундук.

Приехала в Ленинград; я ее встречал, проводил на Канал к Томашевским – Зоя Борисовна приболела... Вечером Зоя звонит мне: Мариэтте все почти отдала, но как отказать, ведь знает про папу и про брата папиного больше меня. Так и с Ольгой Борисовной Эйхенбаум... А Зоценко...

Это покуда мы тут ленинградские цирлих-манирлих: у нас и не то в голове; у нас Пушкин, Федор Михайлович, Блок, Анна Андреевна, Бродский, нас «не замай»...

И все правда!!! Мариэтта (и – нарицательно) это – авторитет, и знание, и уверенность, что никто, кроме... Короче, хотите знать о себе больше – Идите к Мариэтте!!!.

Так и есть, ведь она была открыта всем ветрам, как сказал бы Достоевский, «до нитки»... Ведь никто – никто за годы, годы и годы ни камня не бросил – ни пылинки, ни бревна, ни колышка в ее «глазу» не нашел...

Деспот, тиран – а ты невольно принимаешь Ее сторону. Вот она не словом, так взглядом или жестом руками настезь как жажнет, закачаешься, не спустит – если не в ту степь, и за ушко прямо в корзину, вместе с чернильницей, и из сердца – вон, а похвалит – запьешь от радости, и всех по миру – известит.

Так и случилось со мной... Она меня со второго раза (если не с первого) называла Женей... «Нашего цеху» – ее слова. Эта похвала меня настигла и застала врасплох прямо в аудитории, когда Мариэтта Омаровна вдруг уступила мне свое место на кафедре и предложила поведать всем присутствующим о судьбе некоей неизвестной доселе ученой дамы Марии Ливеровской – дамы и полусвета, и петербургского «серебряного века», которая перевела «Новую Жизнь» Данте в 18-м году в военной Самаре... И первый экземпляр поднесла Блоку. И этот случай еще более ценен тем, что она отдала мне большую часть своего времени, что было абсолютно против ее правил. Да, мне вообще сильно повезло: ведь я слушал лекции Мариэтты Омаровны в Литинституте студентом-заочником все 4 года учебы. Одну лекцию – 1986 год, «Стихи о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама – я запомнил на всю жизнь.

Было дело, что я несколько раз провожал Мариэтту Омаровну до метро «Пушкинская» по ее приглашению – прямым ходом от Твербуля. Помню – был дождь, мы остановились в сквере – шел разговор об Эйхенбауме и Шкловском и об их Льве Толстом. Мы увлеклись я был на стороне Виктора Борисовича, что ее сильно задело. И вдруг посреди разговора мы заметили, что стоим в луже и мокнем, как суслики. И строгая Мариэтта вдруг – улыбнулась. Я

был счастлив. Да и любой бы на моем месте... Через много лет – мы встретились в Петербурге, и Мариэтта Омаровна напомнила мне эту «лужу»...

Лучшая книга Мариэтты Омаровны: скромная на плохонькой бумаге в 180 страничек, набранная школьным шрифтом в картонной обложке «Рукопись и книга. Книга для учителя». 1986. Москва. Изд-во «Просвещение». И вправду – замечательная книга, написанная Мариэттой Омаровной легким, почти детским языком, доступным и старому, и малому шедевр на нашем поле...

Читать – не перечитать. Простой учебник, а светится и горит маяком, как – «Завещание профессора Мариэтты Чудаковой». Ибо, по моему скромному мнению, написать учебник по своей науке – едва ли не главное в высокой миссии настоящего ученого...

<Маше Чудаковой>

...Я думаю, Маша, что девизом (смыслом, заветом, миссией, зачином) жизни М.О., Вашей Мамы, может служить стихотворение Бориса Пастернака:

Во все мне хочется дойти
До самой сути...

56 год! Кончен Роман, почти... Дело Жизни – сделано. И вот – точка: он, Пастернак, первый (нет; один из первых Поэтов той эпохи), такой смуглой скулой своей, прямо с места в карьер со страстью шпарит пером по бумаге свое кредо...

Не озираясь, без заглавия, без даты, прямо, с местоимением «во» – как Гамлет рапирой на смертельном турнире, в упор, как предъявление счета самому себе и будущими недоумкам-современникам.

Мы же прочтем это стихотворение уже после его мучительной смерти.

И то, до чего «хотелось» дойти Пастернаку (ведь он почти добрал в сумеречной эпохе) – довершила при Жизни, до самых краев, Она, Мариэтта Омаровна.

И по праву первой, добровольно взявшей на себя миссию впередсмотрящих (не только во взглядах на историю советской литературы 20-х годов, но и вовне), – Мариэтта Омаровна, Гуру, с той же страстью, без оглядки, как Пастернак на своем турнире, требовала от нас и в учении, и в творчестве, и в поисках истины стремиться по мере сил и интеллекта брать планку выше и тем приблизиться к той самой «суги» (в большом и малом) хоть на грош, хоть на градус – но выше.

До точки – еще далеко...

Анна Берсенева Умерла Мариэтта Омаровна Чудакова

Помню, как увидела ее впервые. Это были первые годы перестройки и «возвращенной литературы». Мариэтта Омаровна читала лекции о никому тогда не известной литературе 20х годов в Литинституте, и надо было успевать занять место, потому что ее хотели слушать гораздо больше людей, чем могла вместить аудитория. И как это было необыкновенно ново, содержательно, ярко! В том числе и об этом я вспоминала в последний год перед локдауном – когда у нас совпадали «окна» между лекциями, и мы с Мариэттой Омаровной по пятницам проводили время за разговорами в пустой литинститутской аудитории. Мне тогда хотелось расспросить ее об Александре Павловиче, но я не решалась, о чем сейчас очень жалею. И думаю о том, что и вообще можно было бы разговаривать больше, дольше, а не перемолвливаясь немногими словами каждый раз, когда на протяжении многих лет мы с Володией встречались с ней в каких-нибудь очень хороших местах, где собирались дорогие нашему сердцу и разуму люди. Она была яркая, умная, ни в малой мере не принимающая компромисса со злом и при этом абсолютно убежденная в том, что в России есть множество достойнейших людей, особенно детей, ради которых и нельзя поддаваться злу. Светлая память Мариэтте Омаровне. Дорогая Маша, мы разделяем с вами это горе.

Алла Боссарт Обед в «Грибоедове»

Мариэтта Чудакова являлась мне, как некое потустороннее существо, со свистом пролетая по коридорам журнальчика «В мире книг», где я служила в начале 70-х. Она работала в архивах отдела рукописей Библиотеки им. Ленина, смежного с нашей редакцией. Копаясь в архивах, Мариэтта одевалась по-рабочему: треники с коленями, какая-то фуфайка... И не скажешь, что это – великий просветитель, доктор наук и открыватель Булгакова для одной шестой части.

Все знали ее в лицо – почему, неизвестно. Ну да, она была нашим автором. Но мало ли было у нас авторов. А Мариэтту знали. Вокруг нее пространство искрило. «О, Омаровна помчалась», – говорил мой начальник.

К тому моменту все приличные люди уже прочитали «М&М», а я так и вообще раньше всех, так как после школы (1966) трудилась корректором в типографии «Красный пролетарий», где печатался журнал «Москва». Мне очень хотелось рассказать Мариэтте об этом эпизоде моей биографии, но я робела.

Могла ли я тогда, в 1971 году, вообразить, что спустя сорок лет великая Мариэтта ибн Омар, как называли ее мы с моим мужем Игорем Иртеньевым (знаю, что неправильно), вдруг ни с того ни с сего пригласит меня отобедать! Так просто, поболтать в симпатичном местечке. Конечно, мы уже были знакомы, Чудакова за какие-то мифические доблести меня уважала, называя в знак особого расположения «Алка Боссарт, огонь-девка». Но я никак не ожидала, что удостоюсь ее предложения «пообщаться».

Симпатичное местечко располагалось в двух шагах от Литинститута (бывший дом Герцена, он же Грибоедова), где МО читала лекции. Легко можно было вообразить, что мы практически в ресторане «Грибоедова».

Пришла она с дочерью Машей. Мы с Машей, конечно, не особо открывали рот, поскольку Мариэтта, сохраняя еще инерцию лекционного азарта, горячо рассказывала мне о людях, помогающих ей в ее просветительской работе – как на подбор, гениях. Время от времени я вставляла реплики, Мариэтта, уже порядком тугоухая, переспрашивала, Маша пыталась транслировать, что вызывало гром и молнии:

– Ты можешь минуту помолчать?! – кипела она. – Ужас! Не дает мне рта раскрыть! Стоит мне сесть поболтать с друзьями – она давай трещать!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.